

Пролог: великое посольство

В начале 1697 года произошло в Москве то, чего никогда не происходило. 25-летний царь Петр отправил посольство на Запад. Оно сопровождалось не только свитой, состоящей из 80 человек. В посольство вошли 25 «волонтеров», которые должны были изучить морское дело за границей. В списке все волонтеры были без титулов и часто без аристократических имён. «Урядника Преображенского полка звали Пётром Михайловым; это был царь»¹.

Царь Петр путешествовал тайно. Но так было не всегда: при необходимости эта тайна всегда раскрывалась. Молодой правитель снял с себя не только ярлык, согласно которому «Император и Самодержец Всероссийский» никогда не покидал свою страну. Петр, позже Великий, совершил разрыв между должностью и личностью. Он мог находиться как наблюдатель, когда на чужом княжеском дворе просили посланников передать привет царю. И он мог как «Петр Михайлов» работать у одного корабельного плотника.

Что касается маршрута «великого посольства», царь оставлял в неведении западный мир, многие считали, что он сначала поедет в Вену и Венецию. После встречи с курфюрстом из Бранденбурга в Кёнигсберге - коронация первого короля в Пруссии прошла здесь через четыре года – посольство отправилось сначала в Голландию. В Кёнигсберге на личной встрече царя и курфюрста присутствовал поверенный в делах из Ганновера. Он подробно рассказал двору о прибытии русского гостя². Из его комментариев видно, как мало людей в западных странах после начала путешествия Петра верили в то, что действительно он принимает в нем участие.

Царь Петр в Коппенбрюгге

По другому относился к этому Готфрид Вильгельм Лейбниц: целью философа и ученого было внести практические изменения в жизнь народов. Лейбниц осознанно отказался от жизни уединенного учёного. Он часто старался работать у какого-нибудь влиятельного князя, чтобы реализовывать свои представления об успехах науки. Он работал библиотекарем в одном дворе Ганновера и мог здесь жить и покрывать свои жизненно важные расходы. Некоторое время своей жизни он был в поисках более значимого окружения, в поисках «великой влиятельной персоны», которая была бы открыта современным идеям, и с чей помощью он смог бы осуществить свою цель - улучшить мир.

Когда царь как правитель великой России отправился в 1697 году с «великим посольством» через Северную Германию³, Лейбниц увидел в этом шанс своей жизни. Несмотря на то, что в Европе было известно мало о планах молодого правителя, было ясно, что он переступил традиционные рамки московского монарха. От него можно было ожидать новшеств. Лейбниц надеялся, что тут он сможет действовать: «Заполучить дух единственного человека как царя или кайзера Китая и направить его на истинно верный путь, побуждая его быть усердным во имя славы божьей и во имя совершенствования людей - это означает сделать больше, чем выиграть 100 битв; так как от воли таких мужчин зависят миллионы других», - писал он позже в одном письме⁴.

Другой аспект, который привлёк внимание Лейбница к России, был интерес к Китаю - интерес, который он открыл в конце 17 века широкому кругу образованной общественности Западной Европы. С тех пор, как на Запад пришли многочисленные новости из «Империи Центра» о миссии иезуитов, здесь возник настоящий культ Китая. На этом фоне Лейбниц

понял значение тысячелетней старой китайской культуры и видел в России естественное связующее звено между европейским и китайским культурным кругом⁵, центр будущего синтеза Ближнего Востока и Западной Европы. С намечающимся переворотом в Российской Империи его надежды, казалось, воплощаются в жизнь: с большими ожиданиями он наблюдал за изменениями в России, которые последовали при Петре I.

С тех пор, как стало известно, что царь Пётр лично принимает участие в делегации, Лейбниц разузнал о каждой станции русского посольства отдельно⁶. Его покровительница, курфюрст София Ганноверская, теща курфюрста Бранденбургского, узнала непосредственно о встрече курфюрста с русским правителем в Кёнигсберге. Когда выяснилось, что посольство двинется южнее Ганновера к Голландии, она поставила все на карту, чтобы также увидеть царя. С небольшим усердием ей удалось назначить встречу с царем Петром для ее семьи и избранных членов двора. В Коппенбрюгге состоялась знаменательная встреча⁷. По всей Европе распространились легендарные слухи о Петре благодаря многочисленной частной переписке графини⁸.

Лейбницу тоже хотелось побывать при встрече. Однако ему нельзя было принимать участие, так как царь настоял на ограниченном количестве гостей. Лейбниц попытался поехать за царем. При себе он возил свои многочисленные идеи реформ для Российской империи⁹. Но встретиться ему с царем не удавалось. Однако ему удалось познакомиться с племянником первого посла, Петром Лефортом, с которым он находился потом в переписке¹⁰. Особенно интересен был учёный своими языковыми пробами, чтобы создать таким образом возможную родственность народов России и Сибири; Лейбниц хотел перевести Отче наш¹¹. Очевидно, что на встрече с великим посольством обсуждались и возможные улучшения транспортной взаимосвязи в России. Среди документов Лейбница был позже найден проект канала Волга-Дон, выполненный заместителем посла, Фёдором Алексеевичем Головиным¹². Непосредственные последствия разговоров были, однако, незначительными: перевести Отче наш не удалось¹³. Контакт между Лейбницем и Лефортом прервался, когда последний оказался через несколько лет в шведской тюрьме.

С большой тревогой Лейбниц наблюдал за дальнейшим развитием России, как во время отсутствия царя в 1698 году в Москве разразился стрелецкий бунт. Царь был вынужден прервать свою поездку, чтобы восстановить порядок у себя дома. С особой жестокостью после подавления восстания он разобрался с бунтующими. Сообщения о массовых казнях разлетелись по Европе. Лейбниц также был напуган действиями своей «великой персоны». Прежде всего, после бунта встали под вопрос надежды Лейбница на реформы в России, которые были полностью завязаны на личности царя. Особенно он был озабочен будущим положением царя, которому после подавления бунта он пожелал бы больше благоразумия: «Oderint dum metuant» (они ненавидят, когда только боятся) положение было слишком опасным в связи с озлоблением членов семей казнённых¹⁴.

Через год началась Северная война; из ничего возникла новая российская столица - Санкт-Петербург. Затем последовала военная реформа, возник российский балтийский флот. Государственное управление было организовано по-новому, заложены основы для строительства новых индустрий. Как показывают записи, Лейбниц следил за всем развитием и ждал. «Если бы я был молод, я бы поехал в Россию», - писал он в своих многочисленных письмах¹⁵.

Лейбниц и царь Пётр: личные встречи

Через 10 лет у Лейбница появилась возможность встретиться с царем. Чтобы реформы в России сделать необратимыми, Петр I издаёт приказ о женитьбе сына Алексея с западноевропейской принцессой. Семейные связи должны утвердить политический переворот. Выбор пал на вельфскую принцессу, Шарлотту Брауншвайг-Вольфенбюттельскую, чья сестра вышла замуж за будущего кайзера Карла IV. После победы под Полтавой - поворотное событие в Северной войне - в 1711 году состоялась свадьба в тогда ещё саксонском Торгау на Эльбе. Царь присутствовал лично на празднике.

В конце праздника Лейбницу удалось наконец-то лично поговорить с царем. Благодаря герцогу Брауншвайг-Вольфенбюттельскому, дедушке невесты, состоялась встреча в Торгау Лейбница с Пётром I¹⁶. В рекомендательном письме герцога Лейбниц был описан как учёный, «состоявший в переписке с учеными по всей Европе» и что знакомство с ним принесёт ему особое удовольствие¹⁷. Петр I хотел позволить себе это удовольствие.

О встрече и процессе первой беседы между ними нет прямых источников. В поздних письмах Лейбница стоит, что во время аудиенции обсуждались магнитные исследования в Российской Империи. Лейбниц попросил царя лично о различных языковых пробах. Также речь шла об исследовании возможного моста между Европой и Азией¹⁸. В целом речь шла об улучшении торговли, об обмене научными знаниями между Европой и Китаем и вопрос об Академии наук в России¹⁹. Подытожив, Лейбниц писал, что его великие ожидания полностью оправдались. На следующий день он был приглашён к царю и ему был дан ранг в российской государственной службе с годовым пособием²⁰.

Очевидно, Лейбниц придавал встрече больше значения, чем Петр I. В следующем году царь оказался недостижим для философа, которому к тому же не шли выплаты из России. Напрасно Лейбниц напомнил царю через австрийского посла о договорённостях совместной работы²¹. Снова он попытался встретиться лично с царем, своей «великой персоной».

Когда в конце 1712 года Петр поехал в курорт в Карлсбад в Богемию, брауншвайгский герцог снова походатайствовал за Лейбница. С венского двора он был отправлен как дипломатический посредник между Австрией и Россией к царю²². Официально речь шла о военном союзе против Франции²³. Политические переговоры были безрезультатными, однако Лейбниц смог воспользоваться ситуацией и поговорить с царем о законодательстве и юстиции.

Вскоре после этого Лейбницу сообщили, что его хотят назначить переработать российские законы и улучшить судебное дело в России. Лейбниц должен был получить ранг российского «тайного совета юстиции» - новая должность, которая уже после смерти Лейбница по Табелю о рангах приравнивалась к российскому генералу, связанным с наследственным дворянством²⁴. В письме графине Софии он сообщал с большой радостью, что в будущем выступит как «Российский Солон»²⁵. Выплата обещанных в Торгау сумм была подтверждена, он получил подписанный царем и канцлером Головкиным документ о назначении на должность²⁶. Лейбниц после отъезда царя остался в его свите и использовал время, чтобы установить тесные контакты с российскими людьми при дворе. Потом он поехал в Вену с российской дипломатической миссией²⁷.

Длительной работы не получилось и после этой встречи. В черновом варианте документа о назначении на должность, составленном Лейбницем, был вычеркнут пункт, по которому ему для работы предоставлялись «полезные сообщения» из России. Также не было намека на

российскую судебную реформу, которую должен был проводить Лейбниц. В последующие годы Лейбниц также не получал желанную информацию, и обещанные выплаты не приходили²⁸. Зря пытался Лейбниц получить от царя сообщение. Но он не падал из-за этого духом. Он предписывал поведению Петра занятость Северной войной²⁹ и ждал дальше.

Когда летом 1716 года царь снова отправился на лечение в Пирмонт, у Лейбница снова возникла возможность встречи с царем. Лейбниц пробыл в сопровождении Петра Великого неделю и сопровождал российских придворных в курфюрстскую резиденцию у Ганновера. Восторженно сообщал он в своих письмах о царе, в котором он все ещё видел «великую персону»: «Я не могу не поражаться живостью и духом этого великого правителя. Со всех сторон он собирает вокруг себя умных людей, и, когда он с ними разговаривает, все удивляются»³⁰.

Лейбниц очень хотел передать царю в Пирмонте механическую счетную машину как своё великое изобретение. Технические проблемы, однако же, затянули готовность аппарата³¹. Лейбниц ещё раз представил российскому правителю свои планы по изменению России. Его желание быть более тесно связанным с российскими реформами, не смогли больше воплотиться в жизнь. Через полгода после встречи в Пирмонте Лейбниц умер³², а счетная машина осталась в Ганновере.

Предложения Лейбница по реформированию России

Если сравнивать заявления и записи Лейбница с 1697 по 1716 год, то заметно, что почти все предложения были основательно осмыслены и в течение времени лишь немного изменены³³. Становится понятно, как хорошо Лейбниц был знаком с Россией до первой поездки Петра Великого, что даже те специальные сообщения и новости, которые он получал в небольших объемах, не могли повлиять на его представления о России³⁴.

Что касается внеполитического аспекта, Лейбниц хотел бы созвать всемирный церковный собор, где участвовала бы и Российская Православная Церковь - не в последнюю очередь как основа союза христианский стран против Османской Империи³⁵. Тем самым включение Российской Империи в европейский «концерт сил» было само собой разумеющимся.

Лейбниц особенно концентрировался на свободномыслящем государстве правителя. Он часто использовал для будущей России пример «государственных часов», по которым правитель имеет хорошие «коллегии», то есть министерства, как «главные рычаги», которые в свою очередь приводят в движение другие. От этого каждый получал бы выгоду³⁶ - концепция, которая соответствовала не только просвещенному абсолютизму. Она находит отражение и в его представлениях о Боге, по которой создатель сотворил «лучший из миров», чья история проходит как часы³⁷.

Соответствующим образом представлял Лейбниц и организацию исследования, науки и образования, в которых он видел важнейшее условие для всех дальнейших реформ в России. В центре его размышлений находилось создание универсального научного центра - Академии наук и искусств³⁸. Это учреждение должно быть ответственным за все университеты страны и за построение единой школьной системы³⁹. Также на нем должна лежать ответственность за аптеки, горное дело и мануфактуры, торговлю и сельское хозяйство. Нововведения могли также проводиться и насильственным путем⁴⁰.

Лейбниц также подумал и о финансировании такой Академии: материальная помощь учреждения должна быть фиксирована торговыми привилегиями и различными косвенными

налогами - например на книги, календари, газеты и другие государственные формуляры. Кроме того, Академия должна получать прибыли с проводимых ею проектов⁴¹.

Лейбниц требовал не только введение всеобщей школьной системы в России, но и образование государственных должностных лиц в университетах, которые должны быть учреждены по западному образцу. Как отражение на ситуацию в Германии и на собственную ситуацию студенты должны, по его мнению, «не сразу обладать неограниченной свободой», как «этим злоупотребляли в немецких университетах и академиях», преподаватели «не должны жить в бедности и презрении, как это произошло в немецких университетах и школах»⁴².

В письмах Лейбница затронуты также такие темы как: осушение болот, добыча полезных ископаемых, улучшение системы транспортного сообщения. Лейбниц требовал создание фабрик, учреждение печатного производства и библиотек, создание зоологических и ботанических садов, а также проведение мероприятий по улучшению положения банков и ломбардов и усовершенствование таможенной и налоговой системы. Для улучшения экономической ситуации в России нужно увеличить количество наемной силы из заграницы, а также облегчить поездки для российских граждан⁴³.

Для закрепления этих государственных мер Лейбниц считал очень важным проведение реформы юстиций, в которой он надеялся принять непосредственное участие после разговора с царем. Центральный вопрос для него состоял в том, как организовать судебный порядок, чтобы возникло «правовое средство между давним произволом судей и пространном испорченным европейским процессом, который сложился у народа согласно писаным законам и учености под предлогом лучшего расследования»⁴⁴. Лейбниц размышлял над усложненным римским правовым процессом, об упрощении которого он уже много лет понапрасну говорил в Германии⁴⁵.

Кроме того, Россия для Лейбница была промежуточной страной на пути к таинственному Китаю, до которого было бы проще добраться через реформированную Россию. В будущем Лейбниц надеялся на право проезда через страну «через степь» и составил черновой проект возможностей проезда на саних с ездовыми собаками с парусом: «Когда паруса больше не помогут, будут тянуть собаки, и если ветер на руку, они вернутся в сани и будут дальше ехать со своими хозяевами»⁴⁶.

Условием планов Лейбница была необходимость лучше исследовать сначала Российскую Империю во всех областях и улучшить уровень знаний о России в Западной Европе. Он сам собирал от различных посредников и послов информацию, которую он мог получить⁴⁷. Особый интерес у Лейбница был к происхождению народов Восточной Европы и Азии. Он снова и снова требовал записывать их историю, обычаи и религию. Как и при первой встрече с «Великим посольством» он просил у царя регулярно списки с наиболее часто употребляемыми словами и списки названий гор и рек. К тому же он требовал записи всех языков народов. Такие словари, по его представлениям, должны быть составлены с помощью переводчиков, торговцев и путешествующих из Москвы, Астрахани, Тобольска и Архангельска⁴⁸. С помощью лингвистического материала он надеялся разрешить ранее неизвестные взаимосвязи⁴⁹. Лейбниц также требовал как можно более точно отмечать на карте неизвестные уголки Сибири. Результаты исследования должны быть зафиксированы в русской энциклопедии, чье содержание и разделы – с картами, изображениями и таблицами - Лейбниц досконально разработал⁵⁰.

Стоит подчеркнуть в связи с этим два проекта, которые касались с одной стороны естественнонаучных интересов Лейбница, с другой стороны то, о чем он постоянно говорил российскому правителю из тактических соображений, так как это затрагивало любимую тему царя – мореплавание. Поэтому здесь можно было надеяться на более быстрое согласие царя, чем говоря о создании Академии или о новой правовой системе⁵¹.

Лейбниц постоянно требовал проведения экспедиции к Нордкап, чтобы узнать, существует ли между Азией и Америкой соединяющий их мост⁵². Никто кроме царя не мог сделать большего для решения этой проблемы, под контролем которого находились эти сомнительные территории. В лучшем случае экспедиция должна была состояться по воде и летом, когда солнце не садится севернее полярного круга. Нужно было бы создать по обе стороны моря отдельные станции, от которых можно было бы двигаться дальше. Тогда можно было бы понять, сужается ли территория или расширяется, то есть будет ли там сужение моря или мост. С помощью морского течения и разновидностей рыб можно было бы понять, существует ли связь между Америкой и Азией⁵³.

Что касается другого проекта, в нем речь шла об измерении отклонения компаса от астрономического северного полюса⁵⁴. С 16 века известно, что это «отклонение» магнитов в отдельных местностях проходит по-разному и что оно изменяет направление с северо-востока на северо-запад на определённой линии в Атлантическом океане. Это можно было использовать для установления градуса по длине, будучи на корабле⁵⁵. Позднее было обнаружено, что каждая линия границы постоянно изменяется. Английский астроном Эдмонд Халли в конце 17 века считал, что этот феномен можно разрешить, если использовать теорию о четырёх магнитных полюсах земли. Для проверки его гипотезы британское правительство организовало на рубеже веков исследовательские поездки в Атлантику, Лейбниц также участвовал в этой дискуссии.

По представлениям Лейбница, исходя из закономерностей природы, можно найти определенное правило движения отклонения и тем самым каждые 10 лет составлять актуальный «магнетический календарь» для кораблей. Для определения этих правил были необходимы дальнейшие измерения, которые он хотел провести в Российской Империи с помощью царя: в самых важных городах России, в устьях больших рек, на российских станциях на полярном море, на улицах Сибири, в Индии и в Китае нужно было измерить амплитуду отклонения магнитной стрелки. С созданием измерительных станций были связаны и другие цели Лейбница: возможность использования для обновления карты страны. Можно было также регистрировать различные наблюдения за растениями, животными и горными породами. Сотрудники, которые примут в этом участие, смогли бы показать себя с лучшей стороны как служители государству. Лейбниц постоянно подчеркивал царю, что такие наблюдения не требуют затрат и, конечно, насколько они важны для мореплавания⁵⁶.

Границы образа о России Лейбница

На самом деле, Лейбниц не спроектировал ни единого государственно-экономического исследования для России и неполноценно изучил российское законодательство. Его черновые варианты и проекты сохранились в небольших заявлениях, чаще в форме писем. Конкретных предложений по созданию шахт и мануфактур или по реформе российской юстиции он не сделал, лишь ограничился предложениями общих направлений цели. Для более глубоких разработок ему не хватало, о чем он часто жаловался, необходимой информации.

Если смотреть на его предложения сегодня, то можно сильно удивиться, если узнать, что часть вопросов Лейбница уже была решена в его время, при тогдашней международной коммуникации этого было неизвестно на Западе, и никто из его российских партнеров не передал эту информацию Лейбницу. Так, в 1649 году, правовая система была уже кодифицирована, латинский перевод «Уложения» уже находился в Москве. Со времен Средневековья существовали в рамках христианской миссии переводы Отче наш на языки народов Сибири. Протоиерей Стефана фон Перм создал собственный алфавит для эндогенного народа Урала и перевёл все богослужебные книги на этот язык. В 1648 году русские Попов и Дежнёв проплыли между Азией и Америкой. Подробная карта Сибири также существовала.

Лейбниц никогда не видел страну собственными глазами. Знания о стране он брал только от западноевропейских гостей или от русских-приближенных к царю, которые положительно оценивали реформы Петра. Решающим для изображения России Лейбницем было представление, что в Российской Империи к началу 18 века происходили радикальные изменения, которые он соотносил с собственными представлениями о ценностях и целях.

Лейбниц не имел представления о транспортных и управленческих проблемах, которые существовали в огромной империи в связи с большой протяжённостью страны и ее климатом. Россия для Лейбница была *Tabula Rasa*, на которой можно было бы построить что-то новое, лучшее, чем в Западной Европе: «... как строительство нового здания может принести что-то более совершенное, чем улучшение старого». Представление о России как «*Tabula rasa*» можно найти во всем его учении - Лейбниц использовал часто образ нового здания, новой страны, свежего поля или новой кастрюли, которая ещё не пропиталась другими запахами⁵⁷. Он не воспринимал исторически выросшие оформившиеся церковные отношения старой России либо они должны были быть устранены - через образовательный импульс и правительственное требование⁵⁸.

Он не понимал открытую и тайную оппозицию против петровских реформ. Он не занимался устаревшими историческими структурами в России и их учетом в процессе реформирования. В центре его учения находилась всегда «великая личность». Лейбниц пытался даже изобразить позитивный образ короля гунн Аттилы⁵⁹, когда он изображал для царя Петра в своих разработках гуннов как ранний славянский народ и характеризовал Империю гуннов как предшественника поздней России⁶⁰.

Однако из-за этого нельзя упрекать Лейбница как философа начала Просвещения. Его непрерывная вера в успех не учитывала исторически выросшие структуры. Для Лейбница его цели проводимой сверху образовательной реформы совпадали с желанием Петра Великого «цивилизовать»⁶¹ Империю. Фикция «*Tabula rasa*», которую Лейбниц видел в России, стала для него самого существенным импульсом для идей реформирования и образования⁶².

Большое количество проектов Лейбница было сформулировано позднее другими по-новому. Их реализацию Лейбниц больше не пережил. Хоть и земляные магнетические вариации, как мы сегодня знаем, не показывают закономерность, как думали в 18 веке, научно-историческое значение Лейбница для России неоспоримо: через несколько лет после смерти датский капитан Витус Беринг по заказу российского правительства провёл названный в честь него пролив между Азией и Америкой.

Вскоре после смерти Лейбница была образована Академия наук в Санкт-Петербурге, однако же не с такими всеохватывающими компетенциями, как хотел того Лейбниц. Через

несколько десятилетий были достигнуты первые результаты в сравнительном языковедении в России во времена правления Екатерины II. В начале 19 века были установлены постоянные станции по измерению отклонений, после того как Александр фон Гумбольдт воспользовался предложением Лейбница⁶³.

В любом случае, Лейбниц изучал Россию без национальной оговорки - опираясь только на философскую цель «всеобщего благополучия» для всего человечества⁶⁴: «... так как я не тот, кто ограничивается одним Отечеством или определённой нацией, - писал он в 1712 году царю, - я исхожу из необходимости всего человечества. Я считаю небеса Отечеством и всех благополучных людей их гражданами, мне лучше создать много хорошего у русских, чем мало - у немцев или других европейцев»⁶⁵. Это была основополагающая идея Лейбница, которая не давала ему упасть духом и на протяжении десятилетий подготавливать каждый раз предложения для царя.

Записи и письма Лейбница были известны лишь узкому кругу в 18 веке. Другие передавали новый образ России широкой общественности⁶⁶. Нельзя не принять во внимание, что Лейбниц, однако, ясно держался своих представлений уже несколько десятилетий до этого, но об этом знали немногие. На сегодняшний день важно, что Лейбниц как известный сторонник раннего Просвещения в такой убедительной форме вообще включил развитие России в свой образ мысли.

Манфред фон Бёттихер

Перевод с немецкого языка – Ольга Мелешкевич

- ¹ Wittram, Reinhard: Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen und seiner Zeit, Bd. 1, Göttingen 1964, S. 132.
- ² Hauptstaatsarchiv Hannover: Cal. Br. 24, Nr. 6560.
- ³ Vgl. Wittram, Reinhard: Peters des Großen erste Reise in den Westen, in: JbbGOsteur 3, 1955, S. 390.
- ⁴ In deutscher Übersetzung zitiert nach Boetticher, Manfred von/ Svetlana R. Dolgova: Rußland und der Westen. Beziehungen durch drei Jahrhunderte. Das Beispiel Niedersachsen, 1493-1796. Hannover 1993, S. 57.
- ⁵ Vgl. Richter, Liselotte: Leibniz und sein Rußlandbild, Berlin 1946, S. 20, 45; Keller, Mechthild: Wegbereiter der Aufklärung: Gottfried Wilhelm Leibniz' Wirken für Peter den Großen und sein Reich, in: dies., Russen und Rußland aus deutscher Sicht, Bd. 1: 9.-17. Jahrhundert, München 1985, S. 394 f.; 399.
- ⁶ Guerrier, Woldemar: Leibniz in seinen Beziehungen zu Rußland und Peter dem Großen, St. Petersburg-Leipzig, 1873, Text, S. 11.
- ⁷ Schnath, Georg: Geschichte Hannovers im Zeitalter der neunten Kur und der englischen Sukzession 1674-1714, Bd. 2, Hildesheim 1976, S. 310 ff.; W. Mediger: Die Begegnung Peters des Großen und der Kurfürstin Sophie von Hannover in der Darstellung A. N. Tolstoj, in: NdSdchsJbLdG 26, 1954, S. 369 ff.
- ⁸ Курфюрст София сообщила сразу же своей двоюродной сестре Шарлотте Пфальской в Париже о встрече, она ответила ей очень решительно: «Меня удивляет, что сейчас вот царь видит, как князи должны жить, но не берет пример, хотя он это и понял. Отрубать головы – это ужасная мода...». Цит. по Boetticher, Manfred von: Niedersächsische Beziehungen zu Rußland und Entwicklung des deutschen Rußlandbildes im 18. Jahrhundert, in: in: NdSdchsJbLdG 67, 1995, S. 81.
- ⁹ Guerrier (wie Anm. 6), Quellen, Nr. 13.
- ¹⁰ Gottfried Wilhelm Leibniz, Sämtliche Schriften und Briefe, Erste Reihe, Bd. 14, Berlin 1993, S. 384.
- ¹¹ Boetticher/ Dolgova (wie Anm. 4), S. 55.
- ¹² Guerrier, Quellen (wie Anm. 6), Nr. 24; Benz, Ernst: Leibniz und Peter der Große. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit, Berlin 1947, S. 41; Boetticher/ Dolgova (wie Anm. 4), S. 55 f.
- ¹³ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 19.
- ¹⁴ Leibniz, Sämtliche Schriften (wie Anm. 10), Bd. 16, Berlin 2000, S. 654 f.
- ¹⁵ В немецком переводе цит. по: Boetticher/ Dolgova (wie Anm. 4), S. 57.
- ¹⁶ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 113, 118 f.
- ¹⁷ Ebenda, Text, S. 118.
- ¹⁸ Ebenda, Text, S. 119 f.
- ¹⁹ Keller (wie Anm. 5), S. 404 f.
- ²⁰ Richter (wie Anm. 5), S. 46, 48 f.; Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 118 ff.
- ²¹ Ebenda, Text, S. 136 f., 131.
- ²² Ebenda, Text, S. 145.
- ²³ Ebenda, S. 146.
- ²⁴ Boetticher, Manfred von: Leibniz und Rußland, in: Reformen für Rußland – Leibniz und Peter I. und der Transformationsprozeß der Gegenwart, DAMU-Hefte Lomonossow, Berlin 3/98, S. 11. Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 148.
- ²⁵ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 148.
- ²⁶ Ebenda, Quellen, Nr. 176; vgl. Boetticher/ Dolgova (wie Anm. 4), S. 62 f.
- ²⁷ Ebenda, Quellen, Nr. 186; ders., Text, S. 149 f.
- ²⁸ Ebenda, Quellen, Nr. 174-176; vgl. Benz (wie Anm. 12), S. 24 f.; Richter (wie Anm. 5), S. 51 f.

-
- ²⁹ So Guerrier (wie Anm. 6), Quellen S. 314.
- ³⁰ Ebenda, Text, S. 174.
- ³¹ Vgl. Finster, Reinhard / Gerd van den Heuvel: Gottfried Wilhelm Leibniz, Reinbek 1990, S. 105 ff. Таким образом, счетная машина не попала в Россию, а находится еще сегодня в Ганновере в библиотеке Нижней Саксонии.
- ³² Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 174 ff.; Richter (wie Anm. 5), S. 52 f.
- ³³ Vgl. Benz (wie Anm. 12), S. 14.
- ³⁴ Boetticher, Leibniz (wie Anm. 24), S. 12 ff.
- ³⁵ Z. B. Guerrier (wie Anm. 6), Quellen, Nr. 109; vgl. Benz (wie Anm. 12), S. 45, 30.
- ³⁶ Ebenda, Nr. 244, S. 365 f.
- ³⁷ Vgl. Finster/ van den Heuvel (wie Anm. 31), S. 61 ff.
- ³⁸ Guerrier (wie Anm. 6), Quellen, Nr. 127; vgl. Antoine, Annette/ Annette von Boetticher: Leibniz-Zitate, Göttingen 2007, S. 217.
- ³⁹ Guerrier (wie Anm. 6), Quellen, Nr. 127.
- ⁴⁰ Ebenda.
- ⁴¹ Ebenda; vgl. Richter (wie Anm. 5), S. 42, 49 f.; Benz (wie Anm. 12), S. 81.
- ⁴² Guerrier (wie Anm. 6), Nr. 240 S. 352, 254.
- ⁴³ Benz (wie Anm. 12), S. 8 f., 57; Richter (wie Anm. 5), S. 45, 93.
- ⁴⁴ Guerrier (wie Anm. 6), Nr. 240, S. 348 f.
- ⁴⁵ Vgl. Boetticher, Leibniz (wie Anm. 24), S. 13.
- ⁴⁶ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 33; vgl. Boetticher, Leibniz (wie Anm. 24), S. 10.
- ⁴⁷ Vgl. Benz (wie Anm. 12), S. 22; Keller (wie Anm. 5), S. 401.
- ⁴⁸ Richter (wie Anm. 5), S. 46 f.; Benz (wie Anm. 12), S. 78; Keller (wie Anm. 5), S. 395.
- ⁴⁹ Vgl. Benz (wie Anm. 12), S. 55 f.
- ⁵⁰ Ebenda, S. 56 f.
- ⁵¹ Ebenda, S. 75.
- ⁵² Vgl. Richter (wie Anm. 5), S. 101 f.
- ⁵³ Guerrier (wie Anm. 6), Quellen, Nr. 158 S. 248 f.
- ⁵⁴ Für das Folgende vgl. Boetticher, Leibniz (wie Anm. 24), S. 14 f.
- ⁵⁵ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 137.
- ⁵⁶ Vgl. Richter (wie Anm. 5), S. 94 ff.
- ⁵⁷ Vgl. Boetticher, Leibniz (wie Anm. 24), S. 15 f.
- ⁵⁸ Vgl. Benz (wie Anm. 12), S. 83 ff.; Keller (wie Anm. 5), S. 412 f.
- ⁵⁹ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 177.
- ⁶⁰ Gottfried Wilhelm Leibniz. Schriften und Briefe zur Geschichte, hg. von Malte-Ludolf Babin und Gerd van den Heuvel, Hannover 2004, S. 688 ff.
- ⁶¹ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 12.
- ⁶² Vgl. Benz (wie Anm. 12), S. 3.
- ⁶³ Guerrier (wie Anm. 6), Text, S. 190; Richter (wie Anm. 5), S. 54.
- ⁶⁴ Ebenda, S. 42.
- ⁶⁵ Guerrier (wie Anm. 6), Quellen, Nr. 143.
- ⁶⁶ Vgl. Matthes, E.: Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762, Frankfurt a. M.-Bern-Cirencester/U.K. 1981, S. 430 ff.